

М.А. Румянцев

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ИЕРАРХИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье определено значение нематериальных аспектов хозяйствования. Целеполагание хозяйственных субъектов рассмотрено в качестве идеального волевого отношения, образующего иерархию по целям деятельности в обществе. Показано, что любая историческая система хозяйства базируется на неэквивалентном обмене между идеальным и материальным сегментами общественного разделения труда. Исследована гипертрофия идеального сегмента современной экономики, искажившая традиционный принцип хозяйственной иерархии, основанный на духовно-этических началах. Определен исторический контекст иерархического устройства российского хозяйства.

Ключевые слова: экономические блага, целеполагание, иерархия, хозяйство, общественное разделение труда, идеальный и материальный сегменты экономики, неэквивалентный обмен.

Проблема взаимосвязи хозяйственного субъекта и социально-экономической системы, как правило, рассматривалась в экономической науке с точки зрения системы: человеческие аспекты хозяйства интерпретировались в качестве производных по отношению к прогрессу производительных сил, смене форм собственности и изменениям экономических институтов. Но если исследовать проблему субъекта и системы со стороны субъекта, то в фокусе исследования оказываются антропологические характеристики экономики (смыслы, целеполагание, мотивации, уровень трудовой мобилизованности, ценности, хозяйственная этика). «Решающими фактами» немецкий экономист В. Ойкен называл «мышление, планы, стремления» и «масштабы человека»¹. Такая постановка вопроса имеет особое значение в переломные кризисные эпохи, когда человеческие факторы экономического развития выходят на первый план.

Михаил Алексеевич Румянцев — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 288.

Антропологический подход к исследованию экономики свойственен отечественной мысли. Показательно здесь утверждение профессора МГУ Ю.М. Осипова: «Хозяйство субъектно, оно осуществляется субъектами, через субъектов, в мире субъектов»². Весьма показательно также и то, что большой интерес отечественных экономистов, сопровождающийся весомыми научными результатами, вызвала разработка проблематики человеческого и культурного аспектов экономики. По оценке историка экономической науки России немецкого ученого Й. Цвайнерта, «исходный пункт российской мысли содержится в наследии русского православия», которое порождает нормативные образцы и ориентиры экономического мышления. Православные идеалы выразились в двух методологических принципах русской науки — холизме и антропоцентризме. Холизм (идеал целостного общества) и антропоцентризм (ориентация на человека) акцентировали экономическое мышление в России на социальных проблемах общества, на вопросах этической обусловленности экономической жизни и нормативных аспектах хозяйствования. При этом «интегрализм мышления русских экономистов (стремление к целостности, к синтезу всех сторон социально-экономической реальности) долгое время затруднял восприятие утвердившегося на Западе представления об экономике как об автономной, самодовлеющей сфере общества»³.

Идею о взаимосвязи человека и хозяйства в экономическом мышлении развивает швейцарский ученый П. Ульрих. «Хозяйство, основанное на разделении труда, представляет собой организованное в масштабах общества удовлетворение человеческой потребности в обеспечении и качестве жизни. Разумный способ общественного хозяйствования ориентируется — и это, кажется, лежит в самой природе явления — на его *жизненную целесообразность*. Соответственно, в центре экономической логики на самом деле должны бы <...> находиться люди»⁴.

Итак, поскольку хозяйство есть, прежде всего, воспроизводство жизни человека, то именно субъект оказывается в центре размышлений об экономике. Однако по мысли А.Ф. Лосева, «субъект вполне специфичен, то есть он являет-

² Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. Программа философии хозяйства // Антология современной философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова. Т. 2. М., 2008. С. 799.

³ Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М., 2008. С. 31–34, 39.

⁴ Ульрих П. Критика экономизма. М., 2004. С. 9.

ся в первую очередь сознанием и мышлением»⁵. Коль скоро это так, ключевое значение в познании экономики приобретает категория идеального.

Проблема идеального в экономике

Идеальное существует в многообразных формах сознания и воли человека как субъекта воспроизводства материальной и духовной жизни. Любой материальный или природный объект, включенный в жизнь человека, уже идеален, поскольку он осмыслен, «целеположен» и определен субъектом. Идеальное как сущностный атрибут субъекта дано в сознательном, сверхсознательном, бессознательном, трансцендентном, а также в объективных общественно-значимых формах и схемах мышления.

Проблема идеального в экономике связана с наличием разрыва между означающим — смыслами субъекта, и означаемым — смыслами экономических благ, ресурсов и их функций, данными в их собственном изолированном от социального контекста исторической эпохи содержании. Конкретное экономическое определение блага или ресурса зависит не только от его функциональных характеристик, но и от логики значений, вмененной ему идеальным контекстом экономической эпохи. Например, в рамках логики рыночного обмена все блага оказываются универсально заменяемыми посредством цен и денег. Тогда в их значении «нет никакого отношения ни к субъекту, ни к миру, есть лишь отношение к рынку»⁶. В рамках логики статусов экономические блага определяют себя посредством символических ценностей или знаков власти, социальных различий, престижного потребления, моды и т.п. Хозяйственная практика всегда отлична от непосредственного смысла вещей и их функций: она осуществляется как практика образов, целей и смыслов, наделенных самостоятельным значением. Экономические блага в своем обороте воплощают определенные исторические модели мышления, меняющиеся в ходе общественно-хозяйственной эволюции. Если исключить из их познания момент идеальный, личностно-исторический (к примеру, кардинальное различие значения благ в аграрном и современном обществах), то экономические блага будут равносильны любому неодушевленному натуральному предмету.

В условиях капитализма основные факторы производства — труд, земля и деньги — обращаются в виде товаров, вовлеченных в оборот рыночных

⁵Лосев А.Ф. Держание духа. М., 1988. С. 103.

⁶Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007. С. 77.

сделок. Однако в действительности эти «принципиальные» определения труда, земли и денег, как показал американский исследователь К. Поланьи, оказываются «полнейшими фикциями». Согласно К. Поланьи, «совершенно очевидно, что труд, земля и деньги — это отнюдь не товары, и применительно к ним постулат, гласящий, что все продаваемое и покупаемое производится для продажи, явным образом ложен». Труд — «это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая, в свою очередь, «производится» не для продажи». Земля — «это другое название для природы, которая создается вовсе не человеком». Деньги — «просто символ покупательной стоимости, которая, как правило, вообще не производится для продажи»⁷. Тем не менее, на этих идеальных «фикциях» построены реальные рынки факторов производства. Для возникновения капиталистической институциональной модели экономики, основанной на безусловной вере в реальность фиктивных товаров, потребовался фундаментальный переворот мышления. Должен был родиться позитивистский образ мышления, санкционирующий манипуляцию естественными непродаваемыми качествами природы и человека.

Экономические институты всегда обладают отчужденным от непосредственной жизни идеальным значением в качестве безусловного и необсуждаемого смысла для агентов хозяйства, иначе они не могли бы длительное время существовать и функционировать. Экономический институт рождается мышлением человека, его ожиданиями предсказуемости будущего — поисками абсолютной экономической инстанции в экономике, которая обеспечивает достоверность знания и уверенность в будущем. Пока экономические институты обладают необсуждаемым смыслом в сознании людей, они могут спонтанно (неосознанно) воспроизводить свои экономические отношения с необходимым уровнем доверия и сотрудничества. К примеру, одной из причин мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. послужила экспансия необоснованных ожиданий участников рынка. Кредитно-долговая пирамида в мировой экономике была основана на вере значительного числа инвесторов в безусловный смысл «новых принципов» определения стоимости акций и на наделении финансовых институтов спекулятивной модели «казино капитализма», необсуждаемой перспективой безграничного роста.

⁷ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 86–87.

Таким образом, в процессе хозяйствования происходит идеализация реальности: рождение объективно идеальных форм мышления и сознания, действие которых по степени своей детерминации сопоставимо с действием природных закономерностей и ограничений. Идеальны цены, деньги, институты, склонности к инвестициям и потреблению, доверие к финансовым организациям, как и все прочие феномены хозяйства и экономики. Объективно идеальные или общественно значимые представления о хозяйственной реальности принудительно вменяют массам людей образ мышления и действий, определяют доминанту хозяйственного поведения, определяют ценность благ и ресурсов. Идеальное в качестве превалирующей мировоззренческой парадигмы хозяйственного развития организует экономическую реальность в «большие» формационные и цивилизационные системы. Религиозные доминанты поведения и всемирные социальные мифологии (капитализм, социализм, Просвещение, либерализм, евразийство, глобализм) порождают ментальные парадигмы хозяйственного взаимодействия людей, определяющие способ их соединения в труде и в общении. Невидимые сдвиги в пространстве идеального оказываются глубинными причинами движения всего хозяйственного космоса. Или, по выражению Ю.М. Осипова, «вот оно первичное и наиважнейшее производство, вот оно изначальное и первостепенное хозяйство — идеальное!»⁸

Первичная форма проявления идеального в экономике — это целеполагание в процессе труда, в своем развитии приводящее к иерархическому принципу организации всей системы общественного разделения труда.

Иерархия по целям деятельности в системе общественного разделения труда

Разделение людей по целям деятельности в системе общественного разделения труда — важнейший момент, образующий базис экономической и социальной власти. Такое разделение отечественный мыслитель А.А. Богданов называл «социальным разделением труда»: выделением особой организаторской функции, разделившей людей на организаторов и исполнителей. Вследствие обособления «специального знания» и «трудового опыта» в деятельности организатора, он «устанавливает связь и соотношение различных сторон и частей

⁸ *Осипов Ю.М.* Сознание и хозяйство, и философия хозяйства тоже // *Философия хозяйства.* 2009. № 2. С. 13.

работы», объединяет работников, «комбинирует их трудовые акты»⁹. Организаторам противостоят исполнители: властная связь между ними в форме распорядка представлялась Богданову главным системообразующим фактором экономического строя. Отождествив мышление с символикой речи, А.А. Богданов показывает, что именно в мышлении и в целеполагании (в индивидуальной психике организатора) возникает тот способ и порядок действий трудового коллектива, из которого рождается производственный процесс. Причем, «и во всех высших формах сотрудничества между людьми действуют те же основные механизмы, лишь в иных социальных регуляциях»¹⁰.

Если, по К. Марксу, управленческие функции возникают из движения всего производственного организма, то по А. Богданову они создают, творят его. Идеальные по содержанию «организаторско-исполнительские отношения» А. Богданов принял за основу экономических структур.

Позиция А. Богданова имеет вполне реальные основания в идеальной природе целеполагания. Согласно исследованию И.К. Смирнова, «определение цели хозяйственной деятельности человека не сводится только к пониманию ее как осознанной потребности. Результат труда — это не овеществленный труд, а объективированная субъективная цель. Несмотря на то, что цель и средство — стороны одного отношения, они в этом отношении неравноправны. Цель в отличие от средства активна. Она есть волевое отношение, содержащее внутри самой себя побуждение к своей реализации. Реализуясь, цель не только полагает и определяет средство, но подчиняет его себе и, в конечном счете, поглощает его»¹¹.

Именно целеполагание как идеальное волевое отношение человека к общественно-хозяйственному процессу, в значительной мере подчиняющее себе средства и результаты деятельности, лежит в основании экономической и политической власти. Власть носителей идеальных функций в системе общественного разделения труда выражает «власть идеального» в общественно-хозяйственном организме: господство волевых аспектов целеполагания над средствами достижения целей и подчинение носителей материальных функций

⁹ Богданов А.А., Степанов И.И. Курс политической экономии. Т. I. 4-е изд. М. – Л., 1925. С. 5, 26.

¹⁰ Богданов А.А. Учение о рефlekсах и загадки первобытного мышления // Вестник коммунистической академии. 1925. Кн. I. С. 79.

¹¹ Смирнов И.К. Актуальные проблемы теории экономической ценности // Проблемы современной экономики. 2009. № 1. С. 71.

носителям функций идеальных. С развитием общественного разделения труда асимметрия материальных и идеальных сфер хозяйства становилась все более очевидной. Разделение людей на классы, сословия, социальные и профессиональные группы есть, прежде всего, отношение господства — подчинения между субъектами обособившихся идеальных функций (целеполагание, управление, власть и интеллект) и субъектами материальных функций исполнительского труда.

Иерархия в общественно-хозяйственных системах производна от иерархии человеческих целей. История показывает, что по мере движения от целей материальной деятельности к целям идеальной и духовной деятельности онтологический статус человеческой деятельности возрастает. И, в соответствии с этим, возрастают возможности неэквивалентного обмена между идеальным и материальным сегментами хозяйства — обмена между создателями идеальных (духовных) благ и производителями материальных продуктов.

Иерархия в исторических системах хозяйства

В традиционном индуистском обществе была детально разработана система иерархических каст. Там были четыре основные касты, находящиеся между духовным и материальным полюсами бытия:

- высшая каста жрецов-брахманов, хранителей сакрального закона;
- каста кшатриев-воинов, занимавших промежуточное положение между духовным и материальным и олицетворявших страсть и самопожертвование;
- каста вайшьи (производителей, ремесленников и купцов), носителей материальной энергии, направленной на обустройство жизни. От простых чернорабочих их отличало то, что они создавали не вещь, но символ — обработанный, «облагороженный» материальный продукт;
- каста чернорабочих — шудры, занятые физическим трудом, потерявшие свою качественную природу и связанные с материей и количеством (низшей периферийной сферой реальности)¹².

¹² Великие империи мира. М., 2011. С. 133.

Иерархии по целям доминировали и в античном обществе, строго различавшим «благородный труд свободных» от рабского труда, производящего материальный объект или вещь. В общественной структуре Древнего Рима обнаруживается четкий иерархический принцип разделения людей по степени приближения-удаления к сакральному статусу «вечного города»: патриции — плебеи — пролетарии — рабы.

Прозрачно проступал принцип иерархии по целям и в разделении труда в феодальном обществе Средних веков. С IX в. в Европе, по оценке Л.П. Карсавина, наблюдается «ослабление» идеи единого христианского Бога и замена ее «идеєю подчиненного одному Владыке иерархического царства ангелов и святых, причем каждому из них уделяется часть Божьей чести и силы»¹³. Возобладавший в религиозном мышлении принцип иерархической субординации выразился в социальном идеале — в феодально-иерархическом принципе организации общества и хозяйства.

В условиях раннего феодализма общество виделось трехчленной системой, состоявшей из духовенства и монахов («те, кто молятся»), рыцарей («тех, кто сражается») и крестьян («тех, кто пашет землю»). По мере развития общественного разделения труда, городов и торговли социальная жизнь усложнялась, и ее все труднее было вписать в традиционную схему «молящиеся — сражающиеся — пахари». В XIII в. ученый монах Бертольд Регенсбургский уподобил сословия (разряды) людей девяти хорам ангельским св. Псевдо-Дионисия Ареопагита. «Три высших разряда — священники во главе с папой, монахи и мирские судьи, включая императора, королей и всех светских господ. Первые два сословия заботятся о душах христиан, а третье — об их земном благополучии, защищает вдов и сирот. Остальные шесть «хоров» олицетворяют только мир человеческий. Первый из них — сапожники и портные. Ювелиры, монетчики, кузнецы, плотники, каменщики образуют второй «хор». Третий составляют купцы, четвертый — продавцы пищи и питья, пятый — крестьяне, шестой — лекари. Но был еще и десятый «хор». Подобно тому, как десятый хор ангелов отпал от Бога, десятый разряд объединяет людей, вся жизнь которых направлена на дурное, обрекающее их души на гибель — актеров и мимов»¹⁴. Еще одно ремесло — ростовщичество — находилось за пределами легитимных статусов, так сказать, в «абсолютном ничто».

¹³ Карсавин Л.П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 256.

¹⁴ Гуревич А.Я. *Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории*. М., 1990. С. 99, 106–107.

Так был сформирован религиозный контекст институционального базиса Средневековья. Доминантное значение в хозяйстве получил феодально-иерархический принцип собственности на землю с разветвленной системой возмездного обмена услугами в соответствии с местом лиц на «лестнице» титулов и сословий. На основе подобной парадигмы и возник феодализм как иерархический социально-экономический порядок «держателей» собственности, оформившийся в корпоративно-персоналистскую этику личного служения и личной верности.

Иерархический принцип выразился в социальном контракте о принципах распределения ресурсов и обязательств. Каждый человек должен был иметь собственный надел — поместье для феодала, участок земли для крестьянина, мастерскую для ремесленника, корабль для купца — для обеспечения себе и своей семье достатка, соответствующего месту в сословной иерархии. Аморальной считалась конкуренция, воспринимавшаяся как посягательство на участок соседа, которым тот «кормится».

Сословия образовывали корпорации со-собственников (феодалов, купцов, ремесленников), обладавшими правами и обязанностями, монополиями и средствами регламентации хозяйственной жизни. Ремесленные цехи регулировали цены в городе и гарантировали качество продукции. Цехи максимально снижали конкуренцию, в частности, запрещали рекламу, украшения витрин, зазывание покупателя, продажу по заниженным ценам. Нарушитель этих правил, как поступающий не по-христиански, подвергался осуждению и мог быть изгнан из цеха или гильдии. Спаянность общим корпоративным интересом требовала введения ограничений конкуренции и на рынке труда (длительный срок ученичества для подмастерьев, необходимость изготовления признанного «шедевра» для получения статуса мастера и т.д.). Другая корпорация — корпорация феодалов — спланировала «благородных» вокруг общих императивов (храбрость, верность, честь), обеспечивала защиту от королевского произвола, внешних врагов и внутренних междоусобиц.

Историческим «прочтением» личностной обращенности христианства явилось фактически полное отсутствие в Средние века анонимных, унифицированных взаимоотношений между людьми. Иерархия лиц и сословий предопределялась этикой и обычаем, но не экономикой и калькуляцией. Феодальная иерархия прав собственности — иерархия вассально-ленных отношений — символизировала иерархию лиц, а не вещей, приоритет должного и нормативного над

позитивным и меркантильным. Сеньор, обеспечивая своим крестьянам защиту и «справедливый суд», именно поэтому имел право на ренту и свои сеньоральные привилегии («право первой ночи», «право мертвой руки» и др.). Разумеется, подобная система не гарантировала от произвола и многочисленных злоупотреблений. Тот же сеньор мог бросить нищему кошелек, а мог и затоптать его копытами своего коня. Нам важно отметить иное: межличностный, персоналистский характер преобладавших в западнохристианском мире иерархических контрактно-корпоративных отношений между людьми. По определению А.Я. Гуревича, «частная собственность представляет собой вещную форму общественных отношений, тогда как феодальная собственность — межличная их форма, выражающая существо всех социальных связей средневекового общества <...> Буржуазная собственность может быть совершенно анонимна, между тем как феодальная собственность имеет всегда свое имя и дает его господину»¹⁵.

России, как в прошлом и другой православной империи — Византии, присуща собственная логика хозяйственной иерархии, основанная на трансформациях системы государства (империи), которые определяют весь контекст последующих изменений. Если история капитализма на Западе связана со сменой национально-государственных центров концентрации капиталов (Голландия XVI в. — Великобритания XIX в. — США втор. пол. XX в.), то российская история есть история смены центров концентрации государственной власти и институциональных типов власти. Отсюда следует, что роль властного центра как инициатора социально-экономических трансформаций России ведет к росту зависимости хозяйственного развития страны от качества решений управленческой элиты и от качества самой этой элиты. В отечественной истории можно найти примеры как положительных, так и регрессивных трансформаций, приводящих к неконтролируемому росту издержек общества, деформациям хозяйственных институтов и возникновению новых ограничений хозяйственного развития.

К примеру, модернизационные реформы Петра I, осуществленные посредством смысловых и антропологических сдвигов и потребовавшие чрезмерных издержек общества. Между тем, в царствование Алексея Михайловича технологическое и институциональное обновление хозяйства проходило как обогащение уже сложившихся тенденций развития в рамках православной парадиг-

¹⁵Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 233.

мы при росте благосостояния купцов и крестьян. В России появились полки «иноземного строя», первые газета и театр, первый современный корабль, активно приглашались европейские специалисты в области технологий. Развивалось мануфактурное производство, основанное на вольнонаемном труде: «промышленное производство (казенное и вотчинное) изначально развивалось на труде ремесленников и вольнонаемных. В этом его коренное отличие от мануфактур XVIII в., посаженных на труд крепостных крестьян»¹⁶. Иными словами, никаких объективных оснований для столь радикальных трансформаций — кроме субъективной воли Петра I и его бюрократического класса — не было.

С другой стороны, эффективные решения управленческой элиты приводят к эффекту масштаба в хозяйстве империи (превышению общественных выгод над издержками общества) и открывают возможности для реализации долгосрочных хозяйственных стратегий. Центр активно и целенаправленно воздействует на структуру производства, основываясь на том, что некоторые виды хозяйственной деятельности более способствуют развитию страны, чем другие. В качестве примеров положительного влияния властной иерархии имперского государства на развитие России можно привести следующие исторические события: хозяйственное освоение Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии (XVI – XX вв.), строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, космические проекты советской эпохи.

Концентрируя ресурсы на главных направлениях социально-экономического развития, империи обеспечивают положительные долгосрочные экстерналии (внешние эффекты) для частнохозяйственных институтов общества. В имперском хозяйстве приоритетом становится поиск оптимальных форм кооперации и разделения общественного труда для экономики «больших пространств». Показательны в этом отношении деяния и сочинения Д.И. Менделеева и С.Ю. Витте, выстраивавших эффективную систему воспроизводственных контуров и коммуникаций на просторах Российской империи¹⁷.

¹⁶Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. СПб., 2001. С. 190.

¹⁷См.: Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист; Менделеев Д.И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005.

Иерархия в современной экономике

Переход от традиционного общества к современному произошел благодаря «революции третьего сословия» (буржуа). Метаморфоза традиционного общественно-хозяйственного устройства в капиталистическую систему не поколебала всеобщность принципа иерархии по целям. Экономика превратила свой прежний, низший и профанический статус в онтологически высший статус в системе общественной иерархии. Экономическое (рациональные операции с количеством — с деньгами, ресурсами и товарами) вышло на первый план, подчинив себе остальные сферы. «Революция третьего сословия» видоизменила содержание иерархических структур, но сам принцип иерархии по целям деятельности в системе разделения труда остался неизменным: изменился не принцип иерархии, а пропорции и методы системной связанности различных уровней общественно-хозяйственной организации. При внимательном рассмотрении современности мы обнаружим в ней жрецов (экспертов, идеологов, политиков), воинов (бюрократический аппарат, армия), торговцев, работников, ростовщиков (кредитно-финансовая сфера), «отверженных» и т.д. В структуре современного хозяйства принцип иерархии по целям гипертрофированно выражается в виде асимметрии идеального и материального сегментов международного и национального разделения труда.

Иерархия образует базисные принципы современной организации мирового и национального рынков. Структура мирового хозяйства своеобразно интерпретирует традиционную сакральную иерархию подчинения периферии (материальных практик) центру (высшему сакральному уровню общества). Финансист Дж. Сорос сравнивал систему организации мирового капитализма с иерархической организацией империй. «Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма управляется теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти. Более того, она имеет центр и периферию, как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции <...> Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели»¹⁸.

¹⁸ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001. С. 114.

«Ядро» и «периферия», по оценке американского социолога И. Валлерстайна, явились базовыми категориями развития капитализма. Исследуя этот феномен, И. Валлерстайн выделил экономические отношения двух стран на протяжении XVI – XVIII вв. — Голландии и Польши. Первоначально Польша была сильнейшим государством Европы, «Амстердам, напротив, был грязной дырой. Именно Речь Посполита успешно противостояла туркам — и такой конец!» «Причина, по моему убеждению, — пишет далее И. Валлерстайн, — в ранней коммерциализации и соответственно периферизации сельского хозяйства Польши. Задумайтесь, кто снабжал мануфактурные центры Голландии зерном, корабельным лесом, пенькой и прочим сырьем? Поглядите на динамику цен...»¹⁹.

Причиной указанной И. Валлерстайном коллизии явился перепад цен на экономических полюсах мировой торговли — ножницы цен между продуктами польского экспорта в Голландию (сырье, хлеб) и голландского в Польшу (мануфактурные товары). «Ножницы цен», разделившие Польшу и Голландию — результат создания типичной для капиталистической мир-экономики длинной цепочки по производству товаров с добавленной стоимостью со многими участниками. Цепочки начинаются с исходных сырьевых стадий и заканчиваются конечной стадией с высокой степенью обработки материалов. Большая часть цены формируется на последних стадиях обработки материалов — именно там, где к предмету труда добавляются идеальные ресурсы (интеллект, информация, дизайн), которые воплощают идею (цель) производства в результат. При этом право собственности на конечный продукт признается за субъектом целеполагания — за агентом, занятым последней стадией обработки (его называют *value added seller*, «продавец, добавляющий стоимость»). Рентабельность такого добавления в высокотехнологичных секторах может составлять сотни процентов.

Смысл данного явления был определен французским историком Ф. Броделем как оппозиция двух моделей рынка при капитализме, обозначенных им как *public market* и *private market*. Если первая модель рынка подчиняется закономерностям эквивалентного обмена, то вторая оказывается «противорынком» — «явно другой деятельностью», заключающуюся в «неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подходящего места»²⁰.

¹⁹Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. С. 38.

²⁰Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 57–58.

О значении некапиталистических, периферийных зон для периодических «реконструкций» капиталистической экономики писал выдающийся отечественный экономист Н.Д. Кондратьев: «Совершенно ясно, что при капитализме вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит в периоды обострения нужды стран старой культуры в новых рынках сбыта и сырья»²¹.

Группа стран и корпораций, захватившая верхние этажи интеллектуального производства в глобальных товаропроизводящих сетях, реализуют экономическую власть по отношению к другим субъектам международного разделения труда — странам периферии. Иерархия в современной экономике носит столь же кастовый, политический и идеологический характер, как и в кастовых и сословных традиционных обществах. На «Севере» концентрируются финансы и интеллект, а на «Юге» и «Востоке» — большинство трудящихся, «те, которые трудятся». Свободной конкуренции в рамках такой закрытой иерархии просто не существует. Как писал И. Валлерстайн, «поскольку экономическое неравенство есть результат политического соотношения сил, экономические изменения требуют применения силы»²².

В национальных системах разделения труда иерархия дана в виде взаимодействия двух полюсов экономики: материального (обмен веществ между человеком и природой, производство материальных продуктов) и идеального (управление активами, установление статусов экономических агентов и социальных значений благ, производство интеллектуальных услуг). Обмен между этими сегментами никогда не бывает сбалансированным: элиты, принадлежащие к идеальному сегменту, понижают стоимость материального сегмента с целью увеличения стоимости идеального сегмента экономики. Средневековый принцип экономического разделения идеальных и материальных сфер на основе иерархических «справедливых цен» в деформированном виде проявляется в преобладании сферы услуг над материальным производством. Например, увеличение доли услуг в экономике США произошло в результате перераспределения доходов индустриальных отраслей в пользу услуг — цены на услуги росли быстрее, чем на промышленные изделия²³. В сфере услуг опережающими темпами раз-

²¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 200.

²² Wallerstein J. The Cold War and Third World: The Good Old Days? / Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems and Civilization. Binghamton. N. Y., 1990. P. 16.

²³ Ефимчук И.В. Экономический постмодерн — послесовременность или современность? // Философия хозяйства. 2003. №4. С. 65.

виваются финансовые, брокерские услуги, спекулятивные операции с долгами, операции с недвижимостью и страховые операции, растут расходы фирм на маркетинг, дизайн, рекламу и связи с общественностью. Разрыв между означаемым (продуктом) и означающим (его финансовой и информационной симуляцией) показывает, что властные отношения перешли из промышленно-торговой области в финансово-информационную сферу. Те, кто устанавливает парадигмы обмена финансами, интеллектом и информацией получают возможность перераспределять и присваивать мировые ресурсы.

Сфера услуг создает искусственные потребности и столь же искусственные отрасли для их удовлетворения. Более того, сфера услуг подчас репрессивна по отношению к человеческому развитию: труд в ней, как правило, является рутинным трудом секретарш и управленцев низших уровней, не требующим высокой квалификации, образования и творчества.

Гипертрофия идеального сегмента в системе общественного разделения труда базируется на рыночных принципах, что привело к эрозии традиционный принцип иерархии по целям деятельности, основанный на сакральных (духовных, этических) приоритетах. Мировой экономический кризис проявился не только в коллапсе финансовых рынков. Кризис выражает более глубокие деформации хозяйственной реальности, связанные с подчинением принципиально нерыночных сфер общества (науки, культуры, образования) рыночным принципам и эмансипацией экономики от этических ограничений. Преувеличение логики рынка и возведение ее в абсолютный принцип общественно-хозяйственной организации оборачивается, по замечанию П. Ульриха, «странной принудительной логикой анонимно действующих правил, которая порой вступает в вопиющее противоречие с нашими интуитивными представлениями о справедливой организации совместной жизни людей <...> Видимо, современная экономическая логика, с точки зрения *жизненной целесообразности* не так уж совершенна. Чего ей недостает, так это этического измерения»²⁴.

В данном контексте следует говорить о возможностях воссоздания в новых исторических условиях хозяйственных принципов традиционного общества, когда «*хозяйственная жизнь* была насыщена нормами (то есть моральными правилами поведения) и обычаями, которые действовали так же и в других областях жизни. Экономические мотивы и интересы были, так сказать, *нормативно зафиксированы* и полностью встроены в такие поведенческие модели,

²⁴Ульрих П. Критика... С. 10.

которые ориентировались на достижение хорошей жизни и справедливые человеческие отношения <...> Автономизация коммерческих мотивов наживы, их выделение из непосредственного жизненно-практического смыслового контекста и ценностного масштаба было буквально немислимо»²⁵.

По оценке профессора СПбГУ В.Т. Рязанова, «в дорыночный период экономика была полностью подчинена системе социальных связей, вписана в нее и обслуживала ее. В рыночный период, когда сформировался рынок как саморегулирующая система, экономика начинает главенствовать, переподчиняя себе систему социальных связей»²⁶. Именно в подавлении экономикой всего внеэкономического американский ученый П. Козловски видит основной и неотъемлемый признак капитализма, возникший после высвобождения «экономических отношений из социальных и культурных норм в пользу большего подчинения экономики собственным законам»²⁷.

Стратегическая цель капитала в сферах культуры и образования состоит в системной организации и успешном маркетинговом продвижении социокультурных продуктов. Творческие ресурсы личности встраиваются в маркетинговые стратегии бизнеса, приобретая свойство человеческого (культурного, социального) капитала.

Подобная ситуация имеет явно кризисный подтекст. Эмпирические исследования американского социолога Ф. Фукуямы показали, что «современное капиталистическое общество потребляет больше социального капитала (доверия. — М.Р.), чем производит»²⁸. Но кризис доверия, общественной морали и трудовой этики ведет не только к росту трансакционных издержек — «налогу на недоверие», по выражению того же Ф. Фукуямы. Капитализм «требует моральных установок, которые экономика сама по себе производить не может»²⁹. Уже не пуританская мораль честного труда, а идеология финансового успеха определяет стереотипы поведения экономических субъектов. Закономерно, поэтому, что одной из причин финансового кризиса 2008–2009 гг. явилась перекапитализация стоимости акционерных компаний, связанная с манипуляциями менеджеров с неосязаемыми активами.

²⁵ Там же. С. 24–25.

²⁶ Рязанов В. Антропологический принцип в экономике // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2006. №1. С. 10.

²⁷ Козловски П. Принципы этической экономии. СПб., 1996. С. 20.

²⁸ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. С. 50–94, 339.

²⁹ Козловски П. Принципы... С. 13.

Атрофия продуктивных хозяйственных мотиваций, массовый исход людей из сфер производительного труда, подмена традиционной ценности «профессионального призвания» финансовым успехом, падение уровня доверия свидетельствуют о потребности разработки модели экономики, базирующейся на этических началах. Все более востребованной становится идея о синтезе рыночного хозяйства и отечественной духовно-культурной традиции. Актуальность приобретают исследования взаимодействия религиозной этики и экономики, а также анализ влияния богословских моделей мышления на институциональную структуру экономики. По мнению доктора экономических наук игумена Филиппа (Симонова), необходим синтез основ экономической теории и богословской науки, в рамках которого категории экономики (труд, собственность, капитал, богатство/бедность, государство) приобретают духовное измерение. Тогда возможной становится «постановка *позитивной* задачи выработки *границных параметров макромоделей* экономического развития <...> при безусловном отказе от претензий на разработку любого рода самостоятельной модели эффективной экономики ввиду того, что данная задача не может и не должна быть задачей богословского дискурса»³⁰.

Источники и литература

1. *Афанасенко И.Д.* Экономика и духовная программа России. СПб., 2001.
2. *Богданов А.А.* Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник коммунистической академии. 1925. Кн. I.
3. *Богданов А.А., Степанов И.И.* Курс политической экономии. Т. I. 4-е изд. М. – Л., 1925.
4. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2007.
5. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
6. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996.
7. Великие империи мира. М., 2011.

³⁰ *Симонов В.В.* Церковь — общество — хозяйство. М., 2005. С. 13–14.

8. *Витте С.Ю.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М., 2005.
9. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
10. *Гуревич А.Я.* Средневековый купец // *Одиссей.* Человек в истории. М., 1990.
11. *Ефимчук И.В.* Экономический постмодерн — послесовременность или современность? // *Философия хозяйства.* 2003. №4.
12. *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
13. *Козловски П.* Принципы этической экономии. СПб., 1996.
14. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
15. *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М., 1988.
16. *Менделеев Д.И.* Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года // *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М., 2005.
17. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М., 1995.
18. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. Программа философии хозяйства // *Антология современной философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова.* Т. 2. М., 2008.
19. *Осипов Ю.М.* Сознание и хозяйство, и философия хозяйства тоже // *Философия хозяйства.* 2009. №2.
20. *Поланы К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
21. *Рязанов В.* Антропологический принцип в экономике // *Вестник СПбГУ.* Сер. 5. Экономика. 2006. №1.
22. *Симонов В.В.* Церковь — общество — хозяйство. М., 2005.
23. *Смирнов И.К.* Актуальные проблемы теории экономической ценности // *Проблемы современной экономики.* 2009. №1.
24. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.

25. Ульрих П. Критика экономизма. М., 2004.
26. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
27. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М., 2008.
28. Wallerstein J. The Cold War and Third World: The Good Old Days? / Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems and Civilization. Binghamton. N. Y., 1990.